

Владислав Занадворев

ПРЕДАННОСТЬ

Стихи

Молотовгиз 1946

ВЛАДИСЛАВ
ЗАНАДВОРОВ

Преданности

СТИХИ

Молотовское
Областное
Издательство
1946

B. Zaretsky

ОТ РЕДАКТОРА

В этой книге собраны стихотворения Владислава Занадворова, чья жизнь отдана борьбе за освобождение родной земли от немецких захватчиков. Молодой поэт-энтузиаст, он горячо любил Родину, ее необъятные просторы, темные леса, меловые скалы на берегах уральских рек, свечение северного сияния, бег оленей, дым стойбищ и мужество сурового русского человека рудознатца, сталевара, воина.

Геолог по профессии, он побывал в многочисленных экспедициях, исколесил большие пространства, с рюкзаком за спиной исходил сотни дорог. Его стихи полны романтики; от них веет неиссякаемой силой молодости, их основной мотив — преданность отчизне. «Преданность» — этим словом он мечтал назвать свою новую книгу, дописывая её в жестоких сражениях, в перерывы между атаками.

Родился Владислав Занадворов 15 сентября 1914 года в г. Перми. Его отец — инженер-строитель, и с детства будущему поэту пришлось ездить по Уралу и Западной Сибири. С 1930 года юноша начал работать самостоятельно в геологических партиях и экспедициях.

«Это были годы первой пятилетки, — вспоминал Занадворов, — когда нас, подростков, властно влекла жизнь, и нам, конечно, не сиделось дома. Потрёпанные учебники были закинута в угол, на ноги обуты походные сапоги, и ветер скитаний обжигал щёки.

За эти годы я побывал в Казахстане, жил в Ленинграде, работал за Полярным кругом — в Северной Карелии, на Кольском полуострове. В 1935 г. я поступил в Свердловский университет на геологический факультет».

Владислав Занадворов стремится расширить свой кругозор, работает и неустанно учится. «Везде, где бы я ни был, чем бы ни занимался — жизнь требовала твёрдых знаний и широкого кругозора. А этим я похвастаться и не мог. Таким образом, я и по сей день являюсь студентом. Да очевидно, если не формально, то фактически, — им придётся оставаться всю жизнь». Эти строки писаны Владиславом Занадворовым в 1939 году. Университет он оканчивал в г. Молотове. По окончании его работал в Верх-Ней-

винске. В 1942 году мобилизован в Действующую Армию.

Первые стихи Владислава Занадворова напечатаны в 1932 году в журнале «Штурм». Это был цикл стихов «Кизел» и поэма «Путь инженера». В 1933—1934 гг. он состоял членом литературной группы «Резец» в Ленинграде, затем его стихи появляются снова на страницах уральских газет и журналов. На Урале была издана небольшая повесть его «Медная гора». Первая книга стихов Владислава Занадворова «Простор» вышла в 1941 году в Молотовском областном издательстве.

Храбро сражался Владислав Занадворов на фронте и до последних своих дней писал стихи, в которых снова славил великое мужество человека, простор и силу русской души. Он твёрдо верил в грядущую победу, он видел её зарю, видел как из-за холмов

Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

Смерть застала его в бою под Сталинградом — городом нашей славы. В дни героического наступления Красной Армии в станице Чернышевской оборвалась светлая жизнь молодого поэта, память о котором мы хотели бы сохра-

нить и познакомить читателей с его стихами, собрав их в эту книгу. Многие печатаются впервые. Стихи, составляющие раздел «Воинская слава», целиком взяты из писем Владислава Занадворова с фронта одному из его друзей.

ПЕСНЯ
О
ЖИЗНИ

* * *

В горячих песнях радостные внуки
Навек прославят наши имена,
И наши неслабеющие руки,
И брошенные нами семена.

И внуки вспомнят: как под жарким ветром
Цвела преображённая земля;
Как приказали звёздам-самоцветам
Мы запылать над башнями Кремля;

Как мы вели Турксиб через пустыни;
Как мучились под солнцем без воды,
Но знали — за барханами пустыми
Раскинутся прохладные сады;

Как находили золотые жилы
Мы от падучих рек невдалеке;
Как нас молили сосны-старожилы
Пробиться с топорами по тайге;

Как на тяжёлых мощных ледоколах
Мы месяцами плыли через льды;
Как на горах, непокоженных и голых,
Печатали упрямые следы;

Как с родиною вместе вырастали;
Как мы гордились родиной своей;
Как дружбу незабвенную пытали,
Воспитывали смелых сыновей.

И вот теперь, как дружбы откровенье,
Как летние немолчные леса, —
Гудят в любой строке стихотворенья
Товарищей прекрасных голоса.

И дружбу нашу с будущим упрочив,
Идут вперёд дорогой молодых
И сыновья демидовских рабочих,
И дети комиссаров полковых.

НА СПЛАВЕ

Мои плоты плывут не уставая,
Плывут по тихой ласковой реке;
Меж островов исчезла Чусовая,
И Гайва потонула вдалеке.
Прозрачной ночью или на рассвете,
Когда замолкнет сонная река,

Рванётся песня грустная, как ветер,
Как звёздные просторы, широка —
О дальних неисхоженных просторах,
О паводке, ломавшем берега,
О сплавщиках поющих, для которых
Её печаль совсем не дорога.

Непокорен, радостен и светел,
Я короткой жизнью дорожу —
Как земли законнейший владетель
По земным дорогам прохожу:

Чтобы легким сердцем веселиться,
Песни непропетые пропеть,
Чтоб с друзьями радостью делиться,
Нежности для женщин не жалеть.

И, встречая смехом неудачу,
Я любое горе утаю,
Ни тоске, ни боли и ни плачу
Над собою власти не даю.

Не уйду, не скроюсь от могилы,
Превращусь когда-нибудь я в прах,
Но хочу, прощаясь с жизнью милой,
Умереть с улыбкой на губах.

Пусть подруги в праздничной одежде
Прощаться к мертвому придут,
Пусть земною радостью, как прежде,
Лица их пылают и цветут.

КРАПИВА

Мы травы спутанные мяли,
По тропке бегали крутой,
Где сосны сонные стояли
Над родниковой водой;

Для нас вершинами своими
Они указывали путь.
Томилась ласками — какими! —
Твоя нетронутая грудь...

Какой любовью неминучей
Ты вся дышала и жила,
Когда букет крапивы жгучей
Мне прямо в руки подала!

Родная, строгая, прямая,
Меня спросила: «Не берешь?»
Ответил я, не понимая:
«Крапивой руки обожжешь!»

Я с той поры по рекам плавал,
Разил медведей наповал

И стройных девушек немало
И обнимал, и целовал.

Но где трава от полустанка
Вела в озёрные края, —
Мне черноглазая смуглянка
Сказала, правды не тая,

Что от любви пылают губы
И сердце пламенем горит,
Что если девушка полюбит, —
Крапиву парню подарит.

И понял я, словам внимая,
Как шёл скитальческой тропой;
Как я, себя не понимая,
И жил, и мучился тобой.

И я пошёл к заветным травам
По тропке узкой и крутой,
Где сосны дремлют величаво
Над родниковой водой.

Но ты у тех же сонных сосен
То ль любовно, то ль со зла —
Другому в золотую осень
Букет крапивы поднесла...

Я искал тебя у вод падучих
На далекой родине ветров,
У гнездящихся на снежных кручах
Белокрылых северных орлов.

Узнавал я по примятым травам,
По следам, оставленным в росе,
По каким тяжёлым переправам
Ты прошла в девической красе.

И кочевника с оленьим стадом
В полдень настигал я на тропе,
С ним делился крепким самосадом,
Спрашивал всю правду о тебе.

И скитался вновь, чтоб тем же летом,
В горе, в одиночестве, в тоске
Рядом с маленьким девичьим следом
След мужской увидеть на песке;

Чтобы за полночь простой охотник,
На медведя ладя самострел,
О тебе сказал бы неохотно,
На меня б спокойно посмотрел;

Чтоб я понял ночью равнодушной,
Как дымятся горы впереди,
Что тебя разыскивать не нужно,
Если ты стучишь в моей груди!

ВСТРЕЧА

Опять, как прежде, неумолчно
Сердца стучат наперебой.
В краю глухом, в краю полночном
Опять мы встретились с тобой!

И я взгляделся с чувством новым
В морщинку каждую твою,
Но и в лице твоём суровом
Я нашу юность узнаю:

Бедь это всё её повадки,
Законные пути её —
Мои походные палатки,
Твои полёты и посадки,
Простое мужество твоё.

И будто век не остывала
В ладони тёплая ладонь...
Опять поставлен, как бывало,
Походный чайник на огонь;

Опять как ночь — короче песни,
Опять от счастья — не вздохнуть...¹
Как всех товарищей чудесных.
В такую ночь не вспомнать!?

Опять от радости смеёмся,
Клянёмся встретиться опять,
Как полагается, клянёмся
Хотя когда-нибудь писать.

* * *

В предчувствии близкого лета
Черемухи пышно цвели,
Их ветви под тяжестью цвета
Сгибались до самой земли.

Одна лишь под солнцем весенним
Стояла суха и грустна,
И белым безумным цветеньем
Совсем не блистала она.

Её не касалось веток
Сиянье вечерних рос,
А рядом с черемухой этой
Я сам задышался и рос.

Во тьме она с грустной любовью
Ветвями стучала в окно,
В ответ над моим изголовьем
Слегка дребезжало оно.

И я выходил, босоногий,
Из комнатной духоты
И видел: бежали дороги
Под светом неверной звезды;

Они в предрассветном тумане
Хранили прохожего след...
Какого мальчишку не манят
Дороги в пятнадцать лет?

Брести по обочинам топким,
Навоз перепревший топтать,
Уснуть у заброшенной тропки,
Когда начинается светать.

Но в полночь всё мимо, всё мимо
Летел за составом состав,
Лишь клочьями чёрного дыма,
Лишь гарью мальчишку обдав.

В вагонах цыгарки дымились,
Визжала гармонь до утра...
Не этим ли парням на милость
Сдавалась Магнит-гора?

А там, за окном, коростеля
Сходили с ума в ночи,
Просторы земли синели,
К озерам неслись ручьи.

Весь мир я увидел воочию;
Он звал на сотни ладов.
Такой незабвенной ночью
Покинул я отчий кров.

ПЕСНЯ О РАЗЛУКЕ

Расцветает марьин-корень;
Травы в поймах высоки;
В мглистом солнечном просторе
Тонут птички косяки.

И, гудя на всех наречьях
Славной родины моей,
Наше дальнее Заречье
Провожает сыновей.

Отправляясь на разлуку,
Ты не хмурь крутых бровей, —
Положи на руку руку,
Поцелуев не жалея.

Между ёлок, между сосен
Грянет ветер гулевой, —
И вернусь я в эту осень
Самой ближнею тропой.

И пока седые волны,
Закипая, как пурга,
Словно огненные молнии,
Бьют с размаха в берега, —

Манят в дальние пространства,
В разворот большой воды
В светлом солнечном убранстве
Белоснежные плоты.

ТОВАРИЩ

Его будильник будит ранним утром,
И он уходит об руку с тобой
В полночный путь по страшным волчьим тундрам;
В одной бадье спускаетесь в забой.
Из диких чащ в твой дом, придя в ненастье,
Он вносит запах дыма и болот,
С лица усталого, смеясь от счастья,
Ладонью крупной смахивает пот.
Пусть нам обоим незнакомо имя,
Но лишь «товарищ» скажет он, — тогда
Вы сразу же становитесь родными,
Как с отраженным облаком вода.
«Товарищ» — словно клятва это слово,
«Товарищ» — открывает все сердца...
Мне кажется порой, что в нём основа
Той доблести, которой нет конца.
Когда же ты на самом крае света
Среди снегов останешься один,
И радио замолкнет без ответа,
И в ночь начнется торошенье льдин —
Тогда в бескрайней мгле слепых полётов
Забудет он о детях, о жене —
Пока далёкий рокот самолёта
Ты не услышишь в трудной тишине.
Глоток воды — твой облегчит муки,
Он напоит, он — вынесет в бою,

Он лучше сам падет, раскинув руки, —
Лишь только сохранигь бы жизнь твою.
И я б хотел до той домчатся дали
Иль хоть на миг воскреснуть в тех веках,
В которых бы сердечно называли
Товарищем на всех бы языках!

ПЕСНЯ ОБ ИЗБРАННИКЕ

За дальние горы, под самые звёзды
Лети, моя песня, лети!
О людях, пленивших и землю, и воздух,
С нашим победном пути!

Любимой отчизны простого героя
Воспой, моя песня, воспой!
Он водит комбайны колхозного строя,
Он первый уходит в забой,

В метелях зимовок проводит полжизни,
Штурмует на севере лёд,
Над полюсом дальним во славу отчизны
Свершает великий полёт.

Избранника верного родины нашей
Прославь, моя песня, прославь!
Он, самый бесстрашный из самых бесстрашных,
Стоит у бессонных застав;

Он связан с народом горячей любовью,
Отчизна ему дорога,
За друга заплатит он собственной кровью,
А пулей уложит врага.

В сибирской тайге, по дорогам и сёлам,
Звени, моя песня, звени!
Над солнечным краем, над краем весёлым
Горят заревые огни.

За дальние горы под самые звёзды
Лети, моя песня, лети!
О людях, пленивших и землю и воздух,
О нашем победном пути.

ГРАНИЛЬЩИК САМОЦВЕТОВ

Чтобы мертвые камни кричали,
Чтобы двери открыла гора,
Тайне слова его обучали
Дела огненного мастера.

Обучали, как темною ночью
По следам, словно горщик, брести
И пустую породу ворочать,
Чтобы вдруг самородок найти.

И склонился над тем самоцветом
В терпеливом труде ювелир,

Чтобы в гранях, любовью согретых,
Отразился бы сказочный мир.

Так и нам бы пройти по отрогам:
В балагане охотничьем спать,
У костра бы с простым углежогом
За беседу ночь коротать,

Наводить бы алмазные грани,
Чтобы слово пылало огнём,
Безымянных людей дарованье
В мастерстве воплощая своим.

В ЛЕНИНГРАДЕ

Памяти С. М. Кирова.

В глубокой печали знамёна
Опущены в скорби немой,
Тяжёлые наши знамёна,
С поникшею чёрной каймой.
Над городом грозные тучи.
В холодном и строгом гробу
Покойшься лучший из лучших —
Боец,
 большевик
 и трибун.

От яростной пламенной речи
До острых морщинок у глаз
Живешь ты, убитый, но вечный
В работе,
 В грядущем
 И в нас, —
Чтоб так же сурово бороться
За счастье народа, как ты...
Встают в караул краснофлотцы,
У мертвого тела застыв,
Свистит над знаменами ветер,
И глухо колеса скрипят,
На узком и длинном лафете
Привозят к вокзалу тебя.
И каждый, как вкопанный, замер,
Когда прогудел паровоз,
С сухими от гнева глазами,
С глазами сухими, без слёз.

РОДИНА

Вот она — лесная родина:
Над рекой гадучая гроза,
Наливная черная смородина,
Черная, как девичьи глаза;

А в лесах, за горными вершинами,
Травы стынут в утренней росе,

И березы с лопнувшими жилами
Падают, подвластные грозе,

И навек плененная просторами
Выбегает узкая тропа;
Дальнее село за косогорами;
В воздухе повисли ястреба.

И потайно за густыми травами
Сказывали парням молодым,
Как по Волге с Емельяном плавали,
Жили с атаманом Золотым.

Над крестами, над моими предками,
Над крутыми строками стиха
Снова машет огненными ветками
Дикая заречная ольха.

И хоть сколько бы дорог-ни пройдено,
Ни отмерено далеких верст —
Хлебом-солью повстречает родина,
Улыбнется тысячами звезд.

А меж гор, что с тучами обвенчаны,
Кама силу пробует свою.
Я ни друга, ни отца, ни женщины
Не любил, как родину мою!

ТИМОФЕЕВ КАМЕНЬ

И трудно же волоком струги тащить,
В песок упираться босыми ногами!
В траву — опоясь и окованный щит,
Кафтан — через ворот, кольчугу — на камень.

Вдоль стругов тяжёлых проходит Ермак;
Простая истлела от пота одежда;
Рывком он бросает пистоль за кушак;
В тягло по-мужичьи впрягается тоже.

А реки в верховьях — всю воду в реке
Без трудности вычерпнешь добрым шеломом,
Чем маяться с грузом — плыви налегке
С пищалями, с пушками, с молнией, громом

Здесь берег надежен: сплошная скала,
И выбита в камне пещера, как надо;
Лишь только природа придумать могла
Подобное место для тайного клада!

Казачьи со стругов, нхтя, вслокут
И тульские пушки, и чердынский трут,
И с медом бочёнки, и с порохом бочки —
Казачий подарок кучумовой дочке.

Ермак Тимофеевич: «Смотри, сторожи —
Покуда посыльный с кольцом не вернётся,

Для верности пущей ты клятву скажи».
 Казак Ермаку на булате клянётся,

Что он в карауле отмерит шаги
 До ближнего камня, и дальше — ни шагу...
 Смолёвые струги по стержню реки
 В сибирское царство уносят ватагу.

Доедено сало, и вышла вся соль,
 Что собрана осенью с варниц уольских.
 Снежинки порхают, как белая моль,
 И медленно тают на отмелях скользких.

Куда ни посмотришь — пустынна река:
 С кольцом атаманым не видно посланца...
 Забыл атаман? Иль друзей Ермака
 Побили татары — один он остался?

Он варит в котле сыромятный ремень,
 Готовит похлебку из рубленной кожи,
 Он сам и его изможденная тень,
 Как два близнеца, друг на друга похожи.

И, кажется, — живы лишь только глаза,
 Большие-большие, глядящие жадно...
 И гнется под ветром тугая лоза —
 Не может свой стебель расправить обратно.

Он вольный казак, и любые пути
Открыты, как дверь пятистенки отцовой...
Но разве он может от клада уйти,
Нарушить булатом скрепленное слово?

Грохочут пищали, и блещут мечи,
На стругах крылатых несётся ватага...
Но даже в последней тревожной ночи
Не сделал от клада он лишнего шага.

Однажды ватага торговых гостей,
Скрываясь от ливня, здесь вышла на берег,
У входа в пещеру, на груде костей,
Их встретил пустыми глазницами череп.

Над этой могилой не пролито слёз,
Креста не поставлено внукам на память,
Над этой могилой вершину вознёс
Огромный, ветрами изъеденный камень.

ГОЛУБОЕ ОЗЕРО

Где горы спокойно несут высоту,
Где скалы гранитные вздыблены косо,
Где сосны стоят на суровом посту —
Там озеро — мертвая синь купороса.
И много преданий хранит синева;
Преданья поют по ночам дерева.

Я знаю, что синие воды без дна,
И в них отражаются небо и горы...
Об озере ходит легенда одна,
Что белые в нем утопили шахтеров.

Им плотно тогда завязали глаза...
Их вывели вечером из подземелий,
В кольцо замыкая седых партизан,
Винтовки солдат навесу каменели.

Шахтёры спокойно пошли на расстрел,
Размеренным шагом взбираясь по кручам...
Недаром на них изумленно смотрел
Растряпанный, пьяный поручик.

Но после — шахтёров найти не смогли:
Ушли навсегда в голубые глубины.
Попрежнему горы синеют вдали,
На склонах попрежнему гнутся рябины,
Но каждый, кто в синий посмотрится омут
На мир и на время глядит по-иному.

Где горы спокойно несут высоту,
Где скалы гранитные вздыблены косо,
Где сосны стоят на суровом посту —
Там озеро — мёртвая синь купороса.
И много преданий хранит синева;
Преданья поют по ночам дерева.

ПОЛЯРНИК

В изломе губ улыбка помертвела,
Сощёл загар с его обрюзглых щёк,
И сильное, выносливое тело
Окутал ватой немощный жирок.

Но, может быть, когда сидит он молча
И гонит сон от воспалённых глаз, —
Он слышит, как тиха побежка волчья
И как скрипит подмёрзший к ночи наст,

А в море гул столкнувшихся торосов,
Как будто пушек дальняя пальба...
И дремлет, убаюкана морозом,
Когда-то им открытая губа.

Наверное, сейчас на Верхояне
Лишь визг собак слышится в ночи —
За «старика», за новое свиданье
Паек спиртовой пьют бородачи.

Но только в руки попадёт газета
С заметкой маленькой о тех краях —
С друзьями вновь пробродит до рассвета
Он по снегам безлюдным второпях.

ПРОСТОР

КОМПАС

Как-то раз в тоске упорной
Прибирал я стол,
И в углу свой компас горный
Средь бумаг нашёл.
На хозяйна в обиде
Был он, как чужой...
Но я сам, его увидя,
Молодел душой:
Был он спутником надёжным
В северном краю;
Он по всем путям таёжным
Юность вёл мою;
Коль метель сыпучим снегом
Тропы занесло,
Он меня к теплу ночлега
Выводил без слов.
И мечту, простой прохожий,
Я таил в себе:
Чтоб на компас быть похожим
Мне в своей судьбе —

Он всю жизнь прожил сурово,
Виды все видал...
...Может быть, рука Седова
Грела твой металл?
Иль разбегом тропок горных
Замаятью снегов
Ты из ссылки непокорных
Вёл большевиков?
Иль в Карелии бескрайней
От пурги — слепой,
Непреклонный Антикайнен
Проходил с тобой?
Хоть потерт, но чист и светел
Встал он предо мной —
Дней былых живой свидетель,
Проводник немой,
Друг надёжный. Как бывало,
Он увёл меня
К позабытым перевалам
Прожитого дня,
К зорям северной пустыни,
К звёздам над тайгой,
Где теперь в палатке стынет
Паренёк другой.
Плащ его покрыт, наверно,
Пылью всех дорог...
...Хоть бы ты, мой компас верный,
Мне в пути помог!

Как меня водил ты прежде
В северном краю,
Так теперь, к вершинам снежным
Песню б вёл мою!
Чтобы в ветреную стужу
К песне греться шли,
И она б томила душу,
Как огонь вдаль;
Чтоб рождалась в людях сила
От беседы с ней,
Чтобы компасом служила
Песня для друзей.

ВРАЧ ИЗ ПОСЁЛКА БУРМАНТОВО

Я знаю, что некогда ей —
Врачу из посёлка Бурмантово...
О, сколько томительных дней
Письма дожидаться обратного!

Что с нею? Сидит у огня
Иль правит в буране олёнами?
И трудно ей вспомнить меня
За тысячу вёрст от селения.

Там ждёт не дождётся врача
Охотник, в лесу покалеченный,
Там корчится в муках, крича,
На шкурах раскиданных женщина.

Там столько заботы вокруг —
В бревенчатой северной здравнице:
И паре ли маленьких рук
Со всеми заботами справиться?

А после обхода слышны
Бураны — летят в бездорожие,
Да рушатся с гор чадуны
На камни, преданьем поросшие.

И так еженочно она
Встречает работой бессонницу —
За каждого сердцем больна,
Душою о каждом заботится.

И мне бы в палате ночной
С ней вместе возиться со шприцами,
С надеждой, тревогой одной
Над койкой больного склониться бы;

И с ней проводить бы года
В бревенчатой северной здравнице...
Но девушка эта горда —
Ей помощь моя не понравится.

Я знаю, что некогда ей —
Врачу из посёлка Бурмантово...
О, сколько томительных дней
Письма дожидаться обратного!

СВИТЕР

Наш дом в горах сугробами завьюжен,
Уютом грубым он проникнут весь.
Среди мужской одежды неуклюжей
Твой женский свитер приютился здесь.

Он тонко связан и в боках повытерт,
И в стужу мало толка от него,
Но в каждой ниточке, связавшей свитер,
Тепло хранится сердца твоего.

Я помню — на вокзале, в час прощанья,
Ты взять его заставила меня,
Чтоб он в пустыне белого молчанья
Служил бы мне надёжно, как броня.

Здесь у меня есть малица от стужи
И от бурана — длиннопслый «гусь»;
А свитер слишком тонок... И к тому же
Носить его я просто не решаюсь.

А в зиму не приходит по полгода
К нам ни газет, ни писем от родни;
Мы с марта ожидаем ледохода,
В календаре зачёркивая дни.

Хоть мы тоску скрываем друг от друга,
Но миг придёт и, кажется, она

Тебя сметёт, как мартовская вьюга,
И сердце разом высушит до дна.

Тогда я свитер трону, еле-еле,
Ладонью жёсткой прикоснусь к нему —
И сразу станет на сердце теплее,
Но отчего теплее — не пойму...

В ОХОТНИЧЬЕЙ ИЗБУШКЕ

Когда в ледяшки превратятся ноги,
А путь лежит в Крестовую губу, —
Ты будешь счастлив, посреди дороги
Наткнувшись на охотничью избу.

Я дверь открыл. Здесь было всё, что нужно
Для путника, озябшего в ночи:
Дрова, дымясь, потрескивали дружно,
И громко пел кофейник на печи.

Но для того, кто двое страшных суток
Плутал по тундре, не смыкая глаз,
Милей огня и добрых самокруток
На низких нарах брошенный матрац.

Я слышал сквозь дремоту, как мужчина
Растёр мне ноги и раздел меня,
Закутал по-домашнему овчиной
И в горло вылил два глотка огня...

А утром только узкий след от нарты
Бежал на юг пустынной белизной,
Да наспех нарисованная карта
Среди мешков лежала предо мной.

Начерченную позете
Ту карту до сих пор я берегу,
Но кто навёл хребты и горы эти,
По ней никак узнать я не могу.

Я не запомнил ни его походки,
Ни голоса, ни взгляда, ни лица;
Не знаю — то ль мы были одноклассники,
Иль старше был он моего отца.

Но год за годом кажется всё чаще,
Что я встречаюсь постоянно с ним
В посёлках, поездах, таёжных чащах...
И каждый раз — под именем другим.

ХАТАНЗЕЙ

Сколько лет бы я ещё ни прожил
Средь моих отзывчивых друзей,
Мне простой охотник всех дороже
С именем не русским — Хатанзей.

Не забыть мне лёгкую походку,
Каждого поступка прямогу,

И его испытанную лодку
С трещиной от камня на борту...

То не он ли мчался по дорогам
Сквозь огонь и дым пороховой,
Чтоб коней седлали на отрогах
Партизаны полночью глухой?

Горы за четыре километра
Сами проступали через тьму,
От любви иль, может быть, от ветра
Сосны в пояс кланялись ему.

Если он за тёмными гольцами
Подносил к губам призывный рог,
Шли к нему олени с бубенцами,
Пестуны вставали у берлог.

Обожжённый порохом и дымом,
Опалённый солнцем и пургой,
Девушкам казался молодым он,
Был невестам самый дорогой.

Всем, что в сердце мужественном жило,
Он любил родимые края.
А не с ним ли рядом проходила
Молодость суровая моя?

Сколько раз мы ночью на привале
Коротали время до утра!?

Сколько раз друг друга согревали
Дружбой у потухшего костра!?

На хребты, в туманные долины
Вёл меня мой верный проводник,
Чтобы я в сокрытые глубины
Сердцем замирающим проник.

И ко мне черёмухи тянули
Ветви, тяжелевшие в цвету,
Птичьи стаи в сумраке тонули,
Песням обучали на лету.

Было всё понятно и подвластно:
Смерть озёр и зарожденье рек...
Оживает в памяти прекрасный
Тот простой, спокойный человек,

Что в горах с поломанной берданкой
Защищал таёжные края,
Что встаёт над каждой стоянкой,
Как живая молодость моя.

Горы те кострами отпылали,
Но следов золой не замести,
И друзья другие протоптали
Зимники по нашему пути.

Потому-то, сколько б я ни прожил
Средь моих бесчисленных друзей,
Мне простой охотник всех дороже
С яменем не русским — Хатанзей.

ПЕСНЯ ЗИМОВЩИКОВ

Нашу дружбу закаляли
Ветры северных морей...
Мы свои сердца сверяли
С сердцем родины своей!

Вспомни: как с тобой делили
Все невзгоды пополам,
Как с тобой проходили
По нехоженным снегам;

Сквозь метели, сквозь бураны
Вместе мы с Большой земли
В неизведанные страны
Дружбу верную несли;

Нас улыбками встречали
Люди северных морей...
Мы свои сердца сверяли
С сердцем родины своей!

Поджидая молча вести,
Может, в этот самый час

Наши милые невесты
Тихо думают о нас...

Перед новыми боями
Не печалься, не грусти —
Вновь ложатся перед нами
Вёрсты снежного пути.

Разве сердце остановишь?
Постареешь до поры,
Если снова у становищ
Загораются костры?

Звёзды светят, не сгорая,
Но кремлёвские — видней...
Мы свои сердца сверяли
С сердцем родины своей!

ВРЕМЕННЫЙ БАРАК

Я бываю рад как другу,
Увидав сквозь полумрак
Сшитый на скорую руку
Старый временный барак.

Всё былое в миг единый
Оживает предо мной:
Грубый стол и посредине
Смятый чайник жестяной,

Стены голые в палатках,
Печь железная без дров
И каморка для женатых
С занавеской из мешков.

А чтоб воздух был почище —
В окнах рамы без стекла.
В этом временном жилище
Наша юность протекла.

Жили голодно, но дружно,
Были веселы в беде —
Так смеяться простодушно
Не случалось нам нигде.

Мы не спали много суток
В гуле штурмов и атак;
Наши пальцы самокруток
Не смогли скрутить никак;

И, задремывая прежде,
Чем к бараку подойдём,
Мы валились в спецодежде
На один топчан вдвоём.

В том же временном бараке
При мерцающем огне
Мы учились, в волумраке
Множа цифры на стене...

Разве вспомнишь, как бежали
Дни, что света полоса,
Как сердца у нас мужали
И домались голоса?..

После — с песнями сносили
Нашей юности жильё
И в дома переносили
Всё имущество своё...

Но теперь барак лишь встретишь,
Только ступишь на крыльцо —
Словно молодости ветер
Обожжёт моё лицо.

Пусть же новым поколениям
Он останется, как след
Тех, достойных изумленья,
Спалённых бурей лет!

РУДОЗНАТЕЦ

Бежит по деревьям смолистая затесь,
Как след горностая, теряясь в тайге.
По этому следу прошёл рудознатец
С лозой двухаршинной в привычной руке.

Его караулила чёрная гарь,
Медвежья чащоба да камень-дикарь.

Он ямы выкапывал, где, невзначай,
Пропитанный рудами цвёл «Иван-чай». ¹

В дремучих урманах теряется затесь —
Безмолвный свидетель проигранных битв,
Но дымом прокуренный шёл рудознавец,
Последние унты о камни разбив.

А там, за снегами гольцов одиноких,
За дымом костров, отгоревших в пути,
Свиристует бурей без меры и срока
Та жизнь, от которой ему не уйти.

Как тихая память, шагают олени;
В болотах рябины сжигает зима;
И молятся люди, упав на колени, —
Лишь только в тайге не сойти бы с ума.

Вперёд. По тайге. По ущельям. Он верил,
Что правды великой придёт торжество;
Он знал, что ни птицы, ни хищные звери
В неведомых дебрях не тронут его.

Он шёл одинокий. Падучие звёзды
Сгорали дотла на рассветном ветру;
Столетние сосны на многие вёрсты
По струнке тянулись, как полк на смотрю.

¹) Старинное поверье: где цветёт «Иван-чай», там надо искать железную руду.

Всё кончено: воды, зацветшие в ямах,
Ключим репьем прорастают следы...
Ты вновь оживаешь в преданьях упрямых,
Прошедший сквозь ночь и раздолье беды.

Но между карьеров теряется затесь...
Как сторож ночной, охраняя руду,
Под камнем заросшим лежит рудознатец,
Погибший в тайге в неизвестном году.

ПРЕДАНИЕ ОБ ОРЛЕ И КЕДРЕ

Ты иди по берегу крутому,
У стремнины к северу сверни,
Молча проберись по бурлому
Водопады слева обогни;

С каждым шагом поднимайся выше,
Коль не можешь — проберись ползком,
Лезь туда, где горным солнцем дышит
Вся земля в просторе голубом.

Ты взберись наверх ценой любою,
Встань на диком каменном валу
И тогда увидишь пред собою
В небо уходящую скалу.

Ты пред ней застынешь удивлённый!
Всюду камень — больше ничего,

Лишь справляет кедр уединённый
Над природой скудной торжество.

Но какими сильными крылами
Семя в поднебесье занесло?
Как на голом камне, под ветрами,
Царственное дерево возросло?

Ты вопросами себя не мучай:
Хоть всю жизнь гадай — не разгадать;
Ты спускайся по тропе барсучьей,
Если хочешь истину узнать,

И тебя из тёмного тумана
На поляну выведет родник,
Выйдет из лесного балагана
Моложавой поступью старик;

Ты сними фуражку для приличья,
С уваженьем поклонись ему,
И тебя попотчует он дичью,
Прокопчённой в медленном дыму.

А когда к ручью пройдут олени,
И в горах, обрисовав кряжи,
Вдруг заря займётся в отдаленьи,
Ты промолви тихо: «Расскажи»...

Ты застынешь, трудное дыханье
В сердце невесёлом затая, —

Пред тобой возникнет, как предашь,
В громе пушек родина твоя.

Ты увидишь: молча окружили
Командира, павшего в бою,
Те бойцы, что головы сложили
За страну свободную свою.

Он лежит в простреленной шинели,
Но судьба погибшего светла...
Он в походах долгие недели
Не слезал с казачьего седла.

Но, и в досталь нахлебавшись горя,
Видел он, когда уснёт в седле,
Как цветёт от моря и до моря
Горицветом радость на земле.

Он скакал по травам придорожным,
Пробивался ночью без дорог,
В дороге кованые ножны
Лишь со славой вкладывал клинок.

И живые, пальцы сжав до хруста,
Перед мёртвым поклялись без слов
На клинках калёных Златоуста,
На штыках невьянских мастеров.

В ту же ночь товарищи решили:
Что в гнезде орлином спать орлу —
Командира молча положили
С именовым оружием на скалу.

Лишь коснулся он отвесной кручи,
Как из самых заповедных недр
Поднялся высокий и могучий,
В бурях не сгибающийся кедр.

С каждым днём смелей и непокорней
В гулком сердце мощного ствола,
В капельках смолы и в крепком корне
Пела кровь погибшего орла.

Где орёл, сквозь пламя пролетая,
Обронил хоть пёрышко с крыла —
Там трава высокая, густая
На песке сыпучем зацвела;

Где на камень острый и жестокий,
Крылья смяв, он рушился в ночи —
Как земли живительные соки,
Из-под камня выбились ключи.

Это всё тебе старик расскажет,
А в конце услышишь от него,
Что в лесу живёт он, как на страже,
У могилы сына своего.

Ты услышишь, как река большая,
Как орлиный клёкот — на скале
Кедр гудит ветвями, заглушая
Все другие шумы на земле.

А в низинах спят ещё дубравы,
В сумраке безмолвие храня,
Лишь один стоит он, величавый,
В языках рассветного огня.

ШЛЕМ

В той тихой комнате, где мать
Проводит много дней,
Стоит железная кровать,
И шлем висит над ней.

Висит он с выцветшей звездой,
Чуть разошёлся в швах,
Он материнскою рукою
Заштопан в двух местах.

Немало лет, за годом год
Он бережно храним, —
Она и пыль с него смахнёт
И загрузит над ним.

И встанут в памяти те дни,
Тот легендарный год,

Когда походные огни
Пылали у ворот.

Он вскоре выцвел на ветру,
До нитки пропотел:
Отец из шлема пил в жару
И шлемом уши грел.

Отец за озером Ит-Куль
Заковчил трудный путь —
Пробила шлем одна из пуль,
Вошла другая в грудь...

А мать с любовью и тоской
В те дни ласкала нас,
И шлем дрожащею рукой
Чинила первый раз.

Мы по нему прочли стократ
Преданья бранных дел...
Настало время — старший брат
Отцовский шлем надел.

Он честь отца хранить везде,
Прощаясь, клятву дал...
На Заозёрной высоте
Он смертью храбрых пал.

Его друзья, где он лежал,
Пробитый шлем нашли...
В сведённых смертью пальцах сжал
Он горсть родной земли.

И снится матери во сне,
Что с нею сын опять,
Но шлем, висящий на стене,
Сама зашила мать.

Она к нему в течение дня
Подходит много раз,
Потом, задумавшись, с меня
Не сводит долго глаз.

О, мать родная! Ведь и мне,
Как брату и отцу,
Не раз испытанный в войне,
Придётся шлем к лицу!

И потому, что мне всегда
Простор отчизны мил,
Не опозорю никогда
Я славу двух могил!

А коль со знаменем в руках
Меня убьют враги —
Ты шлем, зашитый в трёх местах,
Для внуков сбереги.

ЩИТ

Мы щит нашли на поле Куликовом
Среди травы, в песке заросших ям.
Он медью почерневшей был окован
И саблями изрублен по краям.

Езвестный ратник здесь расстался с жизнью,
Подмят в бою татарским скакуном,
Но всё же грудь истерзанной отчизны
Прикрыл он верным дедовским щитом.

И перед ним в молчании глубоком
Мы опустили шапки до земли,
Как будто к отдалённейшим истокам
Могучего потока подошли.

..Что станет думать дальний наш потомок
И чем его наполнится душа,
Когда штыка трёхгранного обломок
Отыщет он в курганах Сиваша?..
Мы щит нашли на поле Куликовом.

РУЧЕЙ

Ты видел, как в горах весной
Родился слабенький ручей?
Как сок слыи неземной.
Он пьёт из солнечных лучей?

Пусть он ещё во тьме ночной
На камне дремлет, не дыша,
И спит под коркой ледяной
Его певучая душа.

Что ледяные кандалы
Растопит солнце на заре,
И вновь низвергнет со скалы
Он гром в летучем серебре.

Он пеной плещет со скалы,
Несётся в брызгах между гор,
Он вырывается из мглы
На светом залитый простор.

В ущельи сумрачном, кряжи
Снося и воздвигая вновь,
Несёт с заоблачных вершин
Он долам солнечным любовь.

Но и вдали от снежных гор
Он дышит снежной высотой,
Бежит ветрам наперекор,
Играет ночью со звездой.

Его метель не заметёт,
Палящий не осушит зной —
Рекой безбрежную течёт
Ручей, взлелеянный весной.

ДВА ЛИСТКА

Склонясь на ветке, в душном зное
Томился маленький листок,
И тень, как кружево сквозное,
Дрожа ложилась на песок.

Покрытый тонких жилок сетью,
Он всеми порами дышал
И, как ребёнок, на рассвете
Слегка от холода дрожал.

За то, что птица, пролетая,
Помяла краешек листка,
Мне красота его простая
Была особенно близка.

В траве, оторванный от ветки,
Сверкал на солнце мёртвый лист,
Хоть в пламя для его расцветки
Природа обмакнула кисть,

Но был он только прахом жалким
Под яркой внешностью своей:
Придёт садовник, и на свалке
Он ляжет. пищей для червей.

Чей взгляд привлечь хоть на мгновенье
Сусальным золотом он мог?
...Над ним дрожал от дуновенья
Зелёный маленький листок.

* * *

Я б хотел, как месяц ранний,
Веки сном твои смежить,
Слушать лёгкое дышанье,
Все движенья сторожить;

Я б хотел звездой рассветной
Заплутаться в волосах
И улыбкой незаметной
Отразиться в светлых снах;

И по дремлющим ресницам
Пробежать бы ветерком,
На заре тебе присниться
И сказать бы шопотком,

Как я путником усталым
На твоей стоял тропе,
Как ручьём журчал по скалам,
Думу думал о тебе.

Чтобы ты, открыв ресницы,
Поняла душой своей —
Сколько нежности таится
За суровостью моей.

ПОХОДНЫЙ РЮКЗАК

Над моею кроватью
Все годы висит неизменно
Побуревший на солнце,
Потёртый походный рюкзак.
В нём хранятся консервы,
Одежды запасная смена,
В боковом отделении —
Завёрнутый в кальку табак

Может, завтрашней ночью
Прибудет приказ управления,
И, с тобой не простившись,
Рюкзак я поспешно сниму...
От ночлега к ночлегу —
Лишь только дорога оленья
Да в мерцании сполохов
Берег, бегущий во тьму.

Мы извели в жизни
Так много бессрочных прощаний,
Что умеем разлуку
С улыбкой спокойной встречать,
Но ни разу тебе
Не писал я своих завещаний
Да, по совести, что я
И мог бы бы тебе завещать?

Разве только, чтоб рукопись
Бережно спрятала в ящик
И прикрыла газетой
Неоконченный лист чертежа
Да, меня вспоминая,
Склонялась над мальчиком спящим,
И отцом бы, и матерью
Сразу для сына служа.

Но я знаю тебя, —
Ты и рукопись бережно спричешь,
От людей посторонних
Прикроешь ревниво чертёж
И, письма дожидаясь,
Украдкой над сыном поплачешь,
Раз по десять, босая,
Ты за ночь к нему подойдёшь.

В непрерывных походах
Нам легче шагать под метелью,
Коль на горных вершинах
Огни путевые видны.
А рюкзак для того
И висит у меня над постелью,
Чтобы сын в своё время
Забрал бы его со стены.

ДВИЖЕНИЕ

Когда предел наметит старость
Моим дерзаньям и годам,
Всё что несделанным осталось,
Я в руки сына передам.

И он, смеясь, пройдёт по следу,
Что я за годы протоптал;
Он там отпразднует победу,
Где я, израненный, упал.

Дарует замыслам он крылья,
Ко мне являвшимся в ночи,
К замкам, которых не открыл я,
В огне он выкует ключи.

Но как-нибудь в дороге дальней
Он сердцем дрогнувшим поймёт,
Зачем стоял у наковальни
Я дни и ночи напролёт.

Оценит с нежностью сыновьей
Мои дела, и потому
Узнает он, какой любовью
Пыдал я к сыну своему.

Он все пути пройдёт со славой,
Полдневной радостью богат,

Какою песней величавой
Он встретит собственный закат!
Но как извечно всё в движеньи,
И как ложится пласт на пласт,—
Дела свои для завершения
Он в руки сына передаст.

ЖАЖДА

Среди песков нам третий вечер
Сводило судорогой рты,
И третий день меха овечьи
На солнце сохли без воды.

Мы губы, чёрные от жажды,
Не в силах были приоткрыть,
А в душном зное с часом каждым
У лошадей стихала прыть.

Уже и сердце забывало
Стучать о выжженную грудь.
Какая сила диктовала
Нам этот мужественный путь!?

Но в этот миг, в седле высоком
Привставши из последних сил,
Наш проводник трахомным оком
За взлётом беркута следил.

А там, за дымкою, лежали
В дремоте низкие холмы,
И наши кони задрожали,
И в сѣдлах вытянулись мы;

И как певучий голос девы,
Среди палящей тишины
Ручья прохладного напевы
Нам были явственно слышны.

Как безраздельно полюбили
Мы детский строй его речей,
Мы только пили, пили, пили,
Боясь, что высохнет ручей.

А он — в песке — лишь разливался
На солнце — только студенел,
Но чем я больше напивался,
Тем всё сильнее пить хотел.

Потом арыками покрыли
Мы эти мёртвые бугры,
Мы ночью скважины бурили,
Двѣм задохались от жары.

Остались трое в пекле ада;
Под солнцем коротая дни,
Мы схоронили их, как надо,
В шурфах, что вырыли они.

Но мощной жаждой ожиданья
Прониклось наше бытие,
А жалкой смерти притязанья
Лишь служат почвой для неё.

С тех пор, как верная подруга,
Мне жажда спутницей была,
Меня кружила, словно выюга,
По тропкам севера вела;

Она со мной одежду шила,
Под лыжи подбивала мех,
И с кем она сильней дружила,
Те проходили дальше всех.

И сразу же в седом простор
Теряясь точкой, сквозь пургу,
Спешили в тишь аудиторий,
Собак меняя на ходу.

Ещё в снегах костры дымились,
А мы в смешных мешках своих
За парты низкие садились
И трудно горбились на них.

Мы спотыкались, шли наощупь,
Блуждали в книгах, как в тайге,
И лампы жгли глубокой ночью
И спали, сжав тетрадь в руке.

Пред нами, как с вершины птичьей,
Куда бы ты ни поглядел
Открылся мир во всем величьи
Незавершённых трудных дел.

Он звал нас, ясный и влекущий,
Он был податлив, как руда,
Расцвет предчувствуя грядущий
В кипеньи нашего труда.

И мне тот день других дороже,
Что завтра должен наступить,
Но с каждым днем, чем дольше прожил,
Тем всё сильнее хочу я жить!

**ВОИНСКАЯ
СЛАВА**

ПЕСНЯ АЛЬПИНИСТОВ

Ослепительным потоком
Ледники уходят в высь;
Подымайся с альпенштоком
И верёвкой обвяжись!

Всё вперёд — путем отвесным,
Руслом ледниковых рек —
Лишь высотам поднебесным
Равен вольный человек!

По заоблачным просторам
Сбор труби, горнист!
Всё вперёд — учил Суворов,
Первый русский альпинист!

И в походе ночью мгlistой
Закаляйте же сердца!
Нынче — смелость альпиниста,
Завтра — мужество бойца!

Так вперёд, с мешком заплечным,
Чтоб со склона и на склон
Гнал врага лавиной встречной
Горно-лыжный батальон!

По заоблачным просторам
Сбор труби, горнист!
Всё вперёд — учил Суворов,
Первый русский альпинист!

МОЙ ГОРОД

Я знал тебя, город, в мерцании сварок,
В кольце голубом автогенных лучей,
Входил ты, как юность — порывист и жарок,
Е разгул сумасшедших метельных ночей.

В грязи котлованов, в лесах новостроек
Мужали и крепи мы вместе с тобой;
Ещё недоделан, ещё неустроен
Ты был уже завтрашней нашей судьбой.

Разлёт площадей и движенье кварталов
Как будто сошли со страниц чертежа,
Казалось, что радуг стоцветье вобрала
Твоя озарённая светом душа.

Я знал, что военная форма, мой город,
Мой каменный сверстник, придётся к лицу:

Таким ты по-новому близок и дорог,
Как мужеству — сила, как слава — бойцу.

Без жеста ненужного, твёрд и спокоен
Ты каждую полночь уходишь во мрак,
Встаёшь на рассвете подтянут, как воин,
Как будто кварталы сжимаешь в кулак.

На улицах гулких в туманном пространстве
Сверкают винтовки твоих сыновей,
И каждый уносит в брезентовом ранце
Частицу любви беспредельной твоей.

И снова — с работой стахановской дружен,
В привычной спецовке встаёшь ты к станку,
Удар за ударом куёшь ты оружие,
Всё глубже копаешь могилу врагу.

ЛЕДНИК

Здесь раньше двигался ледник,
Ломая, роя, сокрушая;
Он трудолюбьем был велик,
Лицо страны преображая.
Хребты он грудью прорывал,
В горах выпахивал долины,
Как мастер, бездны забивал
Камнями да валунной глиной.

Стереть столетья не смогли
Работу честную такую...
...Как он, мы напролом прошли,
Но только в сторону другую.

ПРИФРОНТОВАЯ НОЧЬ

Костры погасли. Ночь прифронтовая.
Всё громче шаг дневального в тиши...
Она пришла, любовно прикрывая
Поставленные наспех шалаши;
В них спят мои братья по оружию,
Прикрыв рукой усталые глаза...
Вдали стоят начерченные тушью
На фоне зарев тихие леса;
И даже птицы смолкли до рассвета,
Чтобы спокойней воинам спалось;
Храня наш сон, мелькнёт хвостом ракета,
Как будто небо пламенем зажглось;
И снова в темном небе потонули
Прожектора зелёные лучи;
И ястребки в воздушном карауле
Летят, почти неслышные в ночи;
И где-то в чаще леса на мгновенье
Зажегся фонаря сигнальный глаз,
Как будто в эту ночь перед сраженьем
Вся мощь отчизны охраняет нас...

ПОХОДНЫЕ ЗАПИСКИ

1. НА КАЛУЖСКОМ ШОССЕ

В воронках бомб калужское шоссе.
В садах лежат расщепленные дубы.
Дома вокруг испепелены все,
Среди развалин выстроились трубы;
И к ним, что в полный вытянулись рост,
Пугливо жмутся маленькие дети...
...Пусть мы ещё прошли десятки вёрст,
Но я забыть не в силах трубы эти!..

2. НОЧНАЯ ТРЕВОГА

Три взрыва, — указано в штабе, — три взрыва —
ночная тревога.
Чуть слышимый голос команд, храп коней и
бряцанье лопат.
Походной колонной повзводно сквозь лес убегает
дорога
Вся в бледном сиянии штыков, в лунных бликах
на касках солдат.
Ночные неясные тени, но будто на дымном
рассвете
В полнеба пылают зарницы, полнеба — во вспыш-
ках огня...
...Когда-нибудь станут по карте, волнуясь, разы-
скивать дети
Вот эту дорогу победы, дорогу грядущего дня.

Из окопов бойцы
выползают навстречу ему...
Это смерть пробегает
по корпусу пламенем синим,
Как чудовища, рушатся
танки в огне и дыму...

Пятый раз в этот день
начинают они наступленье,
Пятый раз в этот день
поднимаю бойцов я в штыки,
Пятый раз в этот день
лишь порывом одним вдохновенья
Мы бросаем врага
на исходный рубеж у реки!

В беспрестанных сраженьях
ребята мои повзрослели,
Стали строже и суше
скуластые лица бойцов...
...Вот сейчас предо мной
на помятой кровавой шинели
Непривычно спокойный
лежит лейтенант Кузнецов.

Он останется в памяти —
юным, весёлым, бесстрашным,
Что любил по-старинке
врага принимать на картечь.

Нам сейчас не до слёз, —
 над убитым товарищем нашим
Начинают орудья
 надгробную гневную речь;

Но вот смолкло одно,
 и второе уже замолчало,
С тылом прервана связь,
 а снаряды приходят к концу...
Но мы зря не погибнем —
 сполна мы сочтёмся сначала,
Мы откроем дорогу
 гранате, штыку и свинцу!..

Что за огненный шквал!
 Всё сметаёт...
 Я ранен вторично...
Сколько времени прожито, —
 сутки, минута ли, час?..
Но и левой рукой
 я умею стрелять «на отлично»,
Но попрежнему зорек
 мой кровью залившийся глаз...

Снова лезут, как черти;
 Но им не пройти, не пробиться...
Это вместе с живыми
 стучатся убитых сердца,

Ты видишь, товарищ, полнеба закрыло
Плетение ферм и лесов —
В сугробах Свердловска, в урманах Тагила
Мы встали на сталинский зов!
В морозе суровом, в работе бессменной
Всё жарче пылают сердца;
Мы здесь, как на фронте, храним неизменно
Священную клятву бойца.
Буруном летучим развеются тучи,
А с солнцем рассеется ночь,
Должны мы, товарищ, гвардейцам могучим
Гвардейской работой помочь!
Удар за ударом — всё глубже могила
Для диких, для бешеных псов, —
В сугробах Свердловска, в урманах Тагила
Мы встали на сталинский зов!

ВОЙНА

Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
— Это вовсе не дымное поле сраженья,
— Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит своё выражение:
— Это изо-дня в день лишь блиндажный песок
Да слепящие вспышки ночного обстрела;
— Это боль головная, что ломит висок;
— Это юность моя, что в окопах истлела;
— Это грязных, разбитых дорог колен;

Бесприютные звёзды окопных ночёвок;
— Это кровью омытые письма мои,
Что написаны криво на ложе винтовок;
— Это в жизни короткой последний рассвет
Над изрытой землёй. И лишь как завершенье —
Под разрывы снарядов, при вспышках ракет
— Беззаветная гибель на поле сраженья.

КУСОК РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Кусок земли; он весь пропитан кровью.
Почернел от дыма плотный мёрзлый снег.
Даже и привыкший к многословью
Здесь к молчанью привыкает человек.

Впереди лежат пологие высоты,
А внизу — упавший на колени лес.
Лбы нахмутив, вражеские дзоты
Встали, словно ночь, наперерез.

Смятый бруствер. Развороченное ложе.
Угол блиндажа. Снаряды всех смели.
Здесь плясала смерть, но нам всего дороже
Скروавленный кусок родной земли.

Шаг за шагом ровно три недели
Мы вползали вверх, не знавшие преград.
Даже мёртвые покинуть не хотели
Этот молнией опалённый ад.

Хоть любой ценой, но только бы добраться,
Хоть буравя снег, но только доползти,
Чтоб в молчаньи страшно и жестоко драться,
Всё, как есть, сметая на своём пути!

Под огнём навесным задержалась рота,
Но товарищ вырвался вперёд...
Грудью пал на амбразуру дота...
Сразу кровью захлебнулся пулемёт!

Мы забыли всё... Мы бились беспощадно...
Мы на лезвиях штыков наш гнев несли,
Не жалея жизни, чтобы взять обратно
Развороченный кусок родной земли!

МОГИЛЫ МОИХ ДРУЗЕЙ

Моих друзей не надо искать
На кладбищах городских:
В два метра длиной кровать
Кажется тесной для них.

По-братски обнявшись, они лежат,
Еоинский выполнив долг,
Словно выспаться спешат,
Пока тревогой не поднят полк

Но заглушая метели плач,
Без отдыха, день за днём,

Над ними каменный трубач
Трубит, задыхаясь, подъём.

Ещё друзья остались в тайге,
Как будто легли отдохнуть
С компасом, сжатым в руке,
Чтобы утром отправиться в путь.

В песках, где сгорел саксаул,
Их прикрыли грудой камней:
Так воды отдалённый гул
Привычному уху слышней.

Но посмотришь, — в любом краю
Мы проходим по их следам...
Коль будет нужно — могилу мою
Ты отыщешь где-нибудь там.

ПАМЯТЬ

Когда и в жилах стынет кровь,
Я грелся памятью одной —
Твоя незримая любовь
Всегда была со мной.

Е сырой тоске окопных дней,
В походе, в огненном аду

Я клялся памятью моей,
Что я назад приду,

Хотя б на сломанных ногах, —
На четвереньках приползу,
Я в окровавленных руках
Свою любовь несу.

Как бьётся сердце горячо,
Летя стремительно на бой!
Я чувствую твоё плечо,
Как будто ты со мной.

Пусть сомневается другой,
А я скажу в последний час,
Что в мире силы нет такой,
Чтоб разлучила нас!

ХОЛМ

Холм пахали из орудий
Два томительных часа.
Он глядел разбитой грудью
На сожжённые леса.

Шли в пике, как на ученьи,
Самолёты всех сортов,
Разбомбили холм в течение
Двух томительных часов.

Рсё навыворот, казалось,
Что земля сошла с ума,
Лишь название оставалось —
Будто не было холма.

Пусть убитые почили,
Бсё же вдоль и поперёк
Пулемёты прострочили
Каждый камень и пенёк.

Лишь тогда, на всякий случай
Малость лишнего хватив,
Дринулись эс-эсы тучей
На решительный прорыв.

Но лишь кости на петлицах
Стали видимы для глаз —
Холм разбитый задымился,
Приподнялся, мёртвый, враз. —

Злые, чёрные, как черти,
В пятнах крови и в пыли,
В полный рост виденьем смерти
Наши встали из земли;

Встали, выросли, без страха,
Словно тени мертвецов...
Иль сама земля из праха
Воскресила тех бойцов?

НА ВЫСОТЕ Н.

На развороченные доты
Легли прожектора лучи,
И эти тёмные высоты
Вдруг стали светлыми в ночи.

А мы в снегу, на склонах голых,
Лежали молча, как легли,
Не подымали век тяжёлых
И их увидеть не могли.

Но, утверждая наше право,
За нами вслед на горы те
Всходила воинская слава
И нас искала в темноте.

РОДНОЕ

Е траве по колено леса
И стёжки, родные для взора,
И чистые, словно слеза,
За жёлтым обрывом озёра.

И, кажется, дремлют они
В суровые, трудные дни

С вечерней зари до рассвета...
По-новому смотришь на это.

О, юности вечной родник,
Тропа босоногого детства!
Посмотришь, — сливаются в миг
Удары винтовки и сердца!

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Песня о жизни	
В горячих песнях	9
На сплаве	10
Непокорен, радостен и светел	11
Крапива	12
Я искал тебя	14
Встреча	15
В предчувствии близкого лета	16
Песня о разлуке	18
Товарищ	19
Песня об избраннике	20
Гранильщик самоцветов	21
В Ленинграде	22
Родина	23
Тимофеев камень	25
Голубое озеро	27
Полярник	29
	85

Простор

Компас	31
Врач из посёлка Бурмантово	35
Свитер	37
В охотничьей избушке	38
Хатанзей	39
Песня зимовщиков	42
Временный барак	43
Рудознатец	45
Преданье об орле и кедре	47
Шлем	51
Щ и т	54
Ручей	54
Два листка	56
Я б хотел	57
Походный рюкзак	58
Движение	60
Жажда	61

Воинская слава

Песня альпинистов	67
Мой город	68
Ледник	69
Прифронтовая ночь	70
На калужском шоссе	71
Ночная тревога	71
Город	72

	Стр.
Последнее письмо	72
Песня строителей	76
Война	77
Кусок родной земли	78
Могилы моих друзей	79
Память	80
Холм	81
На высоте Н.	83
Родное	83

Редактор Б. Н. Михайлов
Технический редактор Е. Г. Женин
Художник М. Н. Бологовская

Подписано к печати 26/VII 1946 г.

Формат бумаги $60 \times 92\frac{1}{32}$. Печ. лист. 2,75

Авт. 2,3 л. Уч. изд. 3 лист.

ЛБ23842 Тираж 10 000 экз. цена 3 руб.

г. Молотов. Тип № 8 треста „Полиграф-
квнга“ ОГИЗ'а при Совете Министров РСФСР.

Цена 3 руб

С 1 01 1961 г.

П. — 30 К.